

Предыстория отношений господина Гао и мёртвого младенца была непростой.

Тело Гао Цин с трудом поддавалось зачатию, и они с мужем смогли завести ребёнка лишь на шестой год брака.

Первые несколько обследований показывали, что и мать, и дитя в полном порядке. Но однажды, когда она просто сидела дома, у неё внезапно заболел живот. Господин Гао немедленно сорвался с работы и повёз жену в больницу.

Осмотр выявил кровотечение, плод был нестабилен, и существовал риск выкидыша.

Вся семья Гао была на грани отчаяния, но им с трудом удалось сохранить ребёнка. С того самого дня Гао Цин стала невероятно осторожной. Она ходила, садилась, даже ела и говорила с предельной аккуратностью, боясь навредить малышу.

На тридцать третьей неделе беременности Гао Цин исчезла. Господин Гао поднял на ноги всех родственников, друзей и сотрудников компании, а также обратился в полицию.

Когда все, измученные поисками, вернулись домой, они обнаружили, что она уже там. Жена как ни в чём не бывало сидела в столовой перед огромной миской еды: там были фрукты, полусырой кровавый стейк и куча разноцветных витаминов для беременных.

Заметив её странное состояние, господин Гао бросился к ней и остановил руку, подносящую еду ко рту, встревоженно спрашивая, что случилось.

Гао Цин, словно ничего не произошло, хихикнула и сказала:

— Я сегодня снова была в больнице. Врач сказал, что малыш здоров и очень красив.

Её тон был странным, и сразу стало ясно, что что-то не так.

Господин Гао тайком позвонил в клинику, где она проходила обследование, и получил душераздирающую новость: сердцебиение плода остановилось почти десять дней назад.

В её состоянии требовалась немедленная операция по извлечению мёртвого плода, но она наотрез отказывалась, плача и крича, что ребёнок жив. Чтобы не «навредить» малышу, ночью, когда муж отвлекся, она, рискуя жизнью, сбежала из дома.

В ту ночь моросил мелкий дождь, дул пронизывающий ветер, а на обочинах дорог люди жгли

ритуальные деньги.

Лица тех, кто поминал усопших родственников, в мерцающем свете огня выглядели зловеще. Только тогда господин Гао вспомнил, что наступил Праздник холодной одежды.

Праздник холодной одежды, также известный как День отправки тёплых вещей или День призраков, — это время, когда живые поминают ушедших.

Сердце господина Гао бешено колотилось, и он старался ни на что не смотреть.

Около полуночи он наконец нашёл свою жену без сознания на пустынной обочине.

Гао Цин, обессилив от горя, пробыла в коме три дня. Очнувшись, она стала ещё яростнее сопротивляться операции.

В отчаянии господин Гао был вынужден прибегнуть к силе, чтобы доставить жену в больницу. После операции он купил место на кладбище и похоронил уже сформировавшееся тельце.

На следующий день Гао Цин, ещё очень слабая, лично приехала на кладбище с людьми и силой заставила их выкопать ребёнка.

С тех пор её состояние становилось всё более странным. Она целыми днями носила на руках мёртвого младенца, напевая ему колыбельные, кормила молочной смесью, а по ночам купала.

Господин Гао бесчисленное количество раз пытался отобрать у неё тело, но стоило ему прикоснуться, как она начинала дико кричать. Однажды, доведённая до предела, она на глазах у всей семьи порезала себе запястье кухонным ножом, и её едва удалось спасти.

Эти воспоминания заставили глаза господина Гао покраснеть.

— Господин Чэнь, мы с женой встречались ещё с университета. Мне так больно видеть её такой, я просто не знаю, что делать, — господин Гао, забыв о приличиях, высморкался. — Примерно через два месяца после того, как мёртвого младенца принесли домой, в доме стал раздаваться детский плач и звуки чавканья. Прислуга заметила, что свежее мясо из холодильника на следующее утро всегда было покусано. Из-за этого все слуги в ужасе уволились, и даже мои родители больше не осмеливаются жить с нами, они вернулись в свой старый дом.

Господин Гао страдал. Он ясно понимал, что этот ребёнок уже не был человеком, но Гао Цин упорно отказывалась это признавать, погрузившись в мир иллюзий и не желая из него выходить.

— Сначала поешьте, — сказал Чэнь Лин, накладывая еду в тарелку. На сытый желудок и работается лучше.

Обед прошёл для Чэнь Лина в напряжении. Господин Гао был слишком гостеприимен: он без конца подкладывал еду ему и его шифу, наливал вино и уговаривал выпить.

Чжао Сюньчан был большим любителем выпить, но всегда знал меру. Однако сегодня всё было иначе. Выдержанное вино, принесённое господином Гао, обладало таким густым и насыщенным ароматом, что рука мастера сама собой тянулась к бокалу.

Даже Чэнь Лин не устоял и позволил себе один бокал.

Раньше он пил только пиво и совершенно не был готов к крепости байцзю.

К концу обеда алкоголь ударил в голову. Чэнь Лин почувствовал, как горят его веки и щёки, а в ушах стоит гул, словно кто-то, прикрыв ему уши, дышит в лицо горячим воздухом.

Господин Гао, закалённый бесчисленными застольями, оставался трезв. Увидев, что один из его гостей пьян в стельку, а другой едва держится на ногах, он с досадой понял, что переусердствовал.

Следуя указаниям Чэнь Лина, он помог Чжао Сюньчану добраться до комнаты. Когда он вернулся, юноши в маленькой столовой уже не было.

Чэнь Лин сам добрёл до своей комнаты, сбросил одежду и встал под душ.

Алкоголь горел в крови, голова была словно в тумане. Он намеренно включил прохладную воду. Струи, омывавшие кожу, казались нежными прикосновениями, и он с наслаждением вздохнул.

Ополоснувшись, Чэнь Лин выключил воду, смахнул капли с лица и, приоткрыв стеклянную дверцу, потянулся за полотенцем.

«Странно...»

Полотенце ведь висело на вешалке снаружи, почему он не может его достать?

Он недоумённо хмыкнул и уже собирался выглянуть, как вдруг ледяной палец скользнул по его ладони.

Чэнь Лин замер.

Сердце пропустило удар, но он тут же подавил панику и, сделав вид, что ничего не заметил, спокойно вышел из душа. На вешалке висело полотенце.

Первым делом Чэнь Лин плотно обернул полотенце вокруг бёдер, а затем достал из грязной одежды талисман Пяти Громов.

Талисман, брошенный с внушительной силой, пролетев немного, безвольно опустился на мокрый пол, словно разряженная батарейка.

Вокруг сгустился холод, особенно сильно он ощущался за спиной.

Ресницы Чэнь Лина дрогнули.

— Прошу прощения, это вы, почтенный господин Цзян Юй? — тихо спросил он.

Ледяной холод коснулся кожи и начал медленно, но настойчиво расползаться по телу, неся в себе непонятный гнев.

...Он не понимал, что сказал не так.

Ощущение холода, уже ставшее почти осязаемым, поднялось к шее, заставляя его запрокинуть голову и полностью открыть уязвимое горло.

Чэнь Лин отчётливо почувствовал, как несколько длинных пальцев легко сомкнулись на его кисть. Большой палец лёг точно на сонную артерию. Воздух наполнился угрозой и жаждой убийства. В его сознании вспыхнуло страшное предчувствие.

Предчувствие смерти.

Большой палец слегка надавил, и ледяное прикосновение заморозило тёплую кожу, проникая в сосуды. От ключиц до щёк всё покрылось мурашками.

Чэнь Лин содрогнулся. Температура в ванной, казалось, упала до нуля.

Перед его глазами медленно проступило лицо — холодное, словно высеченное из камня. В раскосых глазах феникса сияли светлые зрачки, прозрачные и ледяные, в которых он ясно видел своё отражение.

Чэнь Лин замер, его взгляд невольно соскользнул с глаз мужчины ниже, мимо прямого носа с изящным кончиком, и остановился на губах.

Губы были тонкими, словно только что увлажнённые красным вином — полные, влажные и алые, как весенние цветы. Хотелось протянуть руку, коснуться их, чтобы проверить, так ли они мягки и хрупки, как кажутся.

— Я старый? — произнёс мужчина. Его голос был низким и чистым, не похожим на грубый и резкий говор призраков, которых он встречал раньше.

Признался, всё-таки признался. Это действительно Цзян Юй!

Хотя он и подозревал это, но, столкнувшись с правдой лицом к лицу, Чэнь Лин не смог сдержать внутреннего потрясения.

Он шевельнул губами, пытаясь ответить, но, едва приоткрыв рот, подбородком упёрся в руку, сжимавшую его горло. Ледяное прикосновение странным образом успокоило его. Он опустил ресницы, его глаза забегали в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Дыхание мужчины приблизилось, его пронзительный взгляд изучал молодое лицо юноши с нескрываемым интересом и враждебностью.

Предок выразился предельно ясно. Не понять, почему он злится, мог бы только дурак.

Чэнь Лин отчаянно запрокинул голову, чтобы вздохнуть.

— Вовсе нет! Вы очень молоды и невероятно красивы. Я никогда не видел никого красивее вас.

Удушающая хватка на мгновение ослабла.

Чэнь Лин удивился. Неужели лесть так действенна?

Голос юноши был слишком тихим, а его ясные, чёрно-белые глаза смотрели испуганно и робко. Он казался таким незащищённым, к тому же его тело не переставало дрожать...

Цзян Юй отпустил его. Его полностью материализовавшееся тело, подобно величественной горе, возвышалось в тесной ванной, создавая гнетущую атмосферу.

Взгляд Чэнь Лина метнулся по фигуре Цзян Юя. Тот был одет в безупречный чёрный костюм, пуговицы застёгнуты наглухо. Из-под манжет виднелись сапфировые запонки на белоснежной, без единой складки, рубашке.

Неудивительно, что семья Цзян так почитает и боится своего предка. Он всё это время оставался с ними, принимая их подношения. Иначе откуда бы у него взялась такая одежда?

Но Цзян Юй казался не таким, как другие призраки.

От него исходил сильный иньский холод, но призрачная и зловещая аура были почти полностью скрыты. К тому же, его тело было абсолютно материальным... если не считать температуры, он ничем не отличался от живого человека.

Обычный злой дух, достигший такого уровня, был бы либо уничтожен небесами, либо давно стал бы целью для охотников-экзорцистов. Он бы не стал так праздно появляться, чтобы ласкать его шею, и уж тем более не стал бы так шумно организовывать перенос собственной могилы.

Чэнь Лин не мог понять, кем был Цзян Юй, но он прекрасно осознавал своё нынешнее положение.

— Господин Цзян, у вас есть ко мне какие-то распоряжения? — спросил он тихо. Что ещё оставалось делать, когда противник был сильнее.

<http://bllate.org/book/13702/1583271>